

УДК 159.9.01; 159.9.018.2

КОММУНИКАТИВНАЯ ПСИХОСЕМАНТИКА КОГНИТИВНО-НОЭТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ¹

В.И. Кабрин¹

¹ Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

Резюме

Осуществлены комплексный анализ и описание коммуникативной психосемантики как универсального основания построения структурно-динамической модели когнитивно-ноэтического потенциала развития личности профессионала в современном образовательном процессе. Последовательно рассмотрены коммуникативные смыслообразующие процессы в основных качественных методах гуманитарных наук: герменевтике, феноменологии, контент-анализе и экспериментальной психосемантике. Показано, что релевантность этих методов зависит от учета в них аутентичных коммуникативных факторов. Для герменевтического понимания это универсальные факторы противоречий коммуникативной ситуации в силу удвоенности несовпадающих ожиданий и представлений у партнеров: с одной стороны, о предмете и его языковых репрезентациях; с другой – друг о друге и о том, как каждый из них себя представляет. Для феноменологического погружения в непосредственно осознаваемые переживания это коммуникативный момент встречи с иным, неизвестным, которая порождает амбивалентную стресс-транс-формацию. Именно она актуализирует интуитивно-креативный цикл пиковых переживаний: катарсис – импринтинг – экстаз – инсайт. Контент-анализ учитывает конкретные коммуникативные контексты, но нуждается в психосемантических контекстуальных маркерах. Коммуникативная психосемантика интегрирует все качественные смыслоориентированные методы исследования на базе коммуникабельности душевно-духовной жизни человека в русле структурно-динамической модели когнитивно-ноэтического потенциала развития личности. Интенциональный динамический вектор модели представлен в виде кумулятивного цикла интеграции качественных психологических модальностей: мотивация – перцепция – имагинация – эмоция. Трансцендентальный структурно-уровневый вектор коммуникативной психосемантики представлен холархическими уровнями: ценностно-смысловые образования – проблемные концептуальные целевые решения – конструктивные композиционные предметности – архетипические символические выразительные воплощения. Эта структурно-динамическая модель коммуникативной психосемантики переводится в эквивалентную модель 16 основных позиционных стратегий образовательного процесса, ориентированного на когнитивно-ноэтическое развитие профессионально-личностного потенциала человека.

Ключевые слова: коммуникативная психосемантика; когнитивная ноэтика; структурная динамика; герменевтика; феноменология; контент-анализ; психологическая коммуникабельность; интенциональность; трансцендентальность; образовательные стратегии

---

¹ Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Введение

Парадигмальный сдвиг от позитивистско-бихевиоральной (естественно-научной) к социокультурной психологии, вызревшей к середине прошлого века – от М. Бахтина и Л.С. Выготского, У. Джеймса и Дж. Мида до А. Маслоу и К. Роджерса – привел к пониманию коммуникативной природы сознания, объединяющего все душевные процессы. При этом от простейших переживаний до высших состояний сознания коммуникативная динамика этих процессов рассматривалась как символическая, психосемантическая, смыслообразующая (Кабрин, 2005; Петренко, 2010; Петренко, Супрун, 2017).

Обращение на новом уровне к качественным методам исследования требовало уже более целостного и дифференцированного учета коммуникативно-смыслового контекста, чем в традиционных герменевтических и феноменологических описаниях (Дильтей, 2001; Гуссерль, 2009). На первый взгляд это явно реализовывалось в методе контент-анализа и нарративных методах, однако до сих пор остается недостаточным проникновение в интуитивно-смысловую глубину сообщения, а также фрагментарность анализа многоуровневого коммуникативного контекста. Это заставляет переосмыслить на новом уровне возможности герменевтического, феноменологического и психосемантического подходов с более полным охватом необходимых коммуникативных контекстов.

Такую проблематику уже начал разрабатывать К. Роджерс (2017), реализовавший свою феноменологическую установку в качественном анализе центральных для личности феноменов «встречи», «Я-концепции», «конгруэнтности» переживаний в межличностных коммуникациях. Но как представитель и один из основателей движения «третьей силы» – гуманистической психологии – он сделал акцент на противопоставлении ее прежним зоопсихологическим парадигмам – бихевиоризму и психоанализу. Проблема смысловой природы опыта осознаваемых переживаний оставалась, скорее, фоновой, поэтому коммуникативно также недостаточно структурированной (Rennie, 2007).

Круги герменевтики: проблема понимания

Герменевтика – искусство и наука понимания, истолкования и предсказания скрытого в символике окружающего мира, сновидениях и знамениях языка богов, которым они общаются с людьми, – древнейший феномен культуры. Толкователи божественного промысла, а тем более замысла, часто рисковали своей головой. Но уже в начале XX в. основателю психоанализа и его последователям по толкованию и интерпретации различных бессознательных интенций содействовали неконформизм и конформизм эпохи. В результате современная психология и сопутствующие ей искусства почти 70 лет пребывали в этом очаровании, пока не оформилась как самостоятельное научное направление трансперсональная психология, исследующая широкий спектр альтернативных состояний сознания.

Наука герменевтики происходит от древних философско-теологических корней. Известная в христианстве максима Августина: «Верую, ибо непостижимо», – превратилась в современных исследованиях в более доступную формулу: «Верить, чтобы понять» (Евграфова, 2014, с. 64). Ключ к этому началу герменевтики лежит в вечной проблеме герменевтического круга (Дильтей, 2001). Чтобы понять целое, необходимо понять его части, но чтобы по существу понять части, надо уже понимать целое. В этом опасность порочности герменевтического круга – заикливание. На практике при многократном прочтении текста круг может превратиться в спираль, если обнаруживается новое измерение – метасмысл текста (Гадамер, 1988). Однако этот метасмысл уже на совести интерпретатора; существует опасность впасть в мегаломанию – когда «интерпретатор» начинает претендовать на лучшее понимание текста, чем автор. Это одно из следствий фрагментации коммуникативного процесса смыслообразования.

Классики-основатели герменевтики – В. Гумбольдт, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер и др. – настойчиво стремились сохранить осознание взаимообусловленности процесса порождения и презентации «смыслосодержащих форм» их истолкования и понимания, указывая на разные аспекты многомерно целостной смыслопорождающей коммуникации. Отмечая, что М. Хайдеггер видел темпоральную возможность преодоления порочности герменевтического круга, Х.-Г. Гадамер делает важный акцент на его диалогическую суть, реализованную уже Платоном в «Диалогах»: «К глубочайшим открытиям, которыми мы обязаны сократическим диалогам Платона, относится и то, что – в прямом противоречии с общественным мнением – *вопрос труднее ответа*... несостоятельность собеседника показывает, что тот, кто полагает, что он все знает лучше, вообще не способен спрашивать. Чтобы быть в состоянии спрашивать, следует знать... о своем незнании... Спрашивать значит выводить в открытое. Открытость спрашиваемого состоит в неустановленности ответа» (Гадамер, 1988, с. 427).

Эта открытость продолжается и в открытости к автору текста как к другому, чужому. «Таким образом, открытость навстречу другому включает в себя признание того, что я должен считаться с чем-то *во мне самом*, даже если бы не было никого, кто требовал бы от меня принять это что-то в расчет» (Гадамер, 1988, с. 425).

Э. Бэтти (2011), стремясь к концентрированному формулированию герменевтического процесса, предлагает рассматривать «истолкование как трехчленный процесс... с одной стороны, интерпретатор как живой мыслящий дух, а с другой – дух, объективированный в смылосодержащих формах. Эти крайние точки не входят в соприкосновение непосредственно; они контактируют только через посредство смылосодержащих форм, в которых объективированный дух предстает перед интерпретатором в своей неустранимой *инаковости*... Стало быть, здесь понимание представляет собой познание заново и повторное конструирование смысла... интерпретатор должен на герменевтическом пути пройти путь творчества в обратном направлении» (Бэтти, 2011, с. 23–25). В итоге – релевантное восста-

новление герменевтического диалога: «...опрашивая текст, интерпретатор должен позволить тексту опрашивать себя самого, должен прислушаться к притязаниям текста» (Бэтти, 2011, с. 47).

Такая эмансипация текста в герменевтическом анализе также содержит интерпретационную ловушку в связи с редукцией целостной коммуникативной ситуации персонального контекста автора и синхронной обратной связью его с интерпретатором, когда не контролируется субъективная проекция последнего. Х.-Г. Гадамер и современные исследователи герменевтики часто обращаются в этом контексте к В. Дильтею, подчеркивавшему роль переживаний автора, содержащих первичные данные в качестве смысловых единиц, требующих эмпатического вживания в персоналистичность текста (Черняк, 2012; Чепкасова, Бунаков, 2012; Евграфова, 2014; Даренский, 2018). Символичность герменевтического поля буквально зовет к восстановлению целостной коммуникативной ситуации, которую репрезентирует текст.

Поскольку задача данной работы – акцентировать внимание на *коммуникативной герменевтике*, предполагающей возможность живого диалога с автором текста, мы примем целостную модель коммуникативной ситуации как основание для анализа понимания высказывания, сообщения или текста. Она поможет избежать перекосов, смещений в истолковании и интерпретации высказываний.

Для герменевтического анализа интерпретатору как реконструктору коммуникативной ситуации необходимо учесть понимание и чувство различий по всем линиям удваивающихся соотношений и взаимопроникновений, а именно коммуникатор–реципиент; предмет–язык. Это необходимо в силу инаковости партнеров по всем этим позициям, включая экологические контексты (DeRobertis, 2015). Речь идет:

- о чувствительности к ключевым противоречиям;
- о принятии выявленных противоречий как задачи на переосмысление ситуации;
- о синхронной обратной связи, фиксирующей через личностную децентрацию возникающий новый трансмысл высказывания;
- об учете влияния несовпадений образов друг друга у автора и интерпретатора.

Поддерживает всю эту эмпатическую децентрацию (как вчувствование в точку зрения другого и взгляд на себя как на другого) универсальная избыточность высказывания, открытая в принципе рекурсивности генеративной грамматики Н. Хомского (2019). Яркий пример находим в английском стихотворении (в переводе С.Я. Маршака) «Дом, который построил Джек».

Лабиринты феноменологии: проблема переживаемого опыта сознания

К проблеме переживания, первичного опыта осознания герменевтика двигалась, кажется, на протяжении всей своей истории, ограничиваясь, правда, языковыми, текстовыми, дискурсивными формами его выражения.

На этом пути не мог не появиться Э. Гуссерль, феноменология которого, как философия и методология, не углубила бы его «упрямым аутизмом» проблему понимания настолько, что и сегодня это остается предметом актуальных обсуждений. «В рамках феноменологического движения нет ни одного принципа, безоговорочно признаваемого всеми феноменологами в качестве основного... феноменологий столько, сколько феноменологов» (Шиян, 2017, с. 63–64). Э. Гуссерль остается значим, поскольку, несмотря на специфическую сложность текстов, он затронул и актуализировал *архетипы ноэзиса* (Анаксагор) и *эйдетики* (Платон), практически выйдя за границы латинской ментальности, вроде бы для него более привычной.

Наряду с *cogitatum* (понятие) и *ratio* (разум) в переживаемом непосредственно опыте сознания выделяются «ноэмы» (мысли) и «ноэзы» (многокачественные душевные переживания), являющиеся эйдетическими трансцендентальными центрами.

Поэтому *ноус* (интуитивный ум) и эйдетическая интуиция являются главными моментами феноменологической установки, которая через «метод эпохе» (Счастливцев, 2014) делает интенциональное содержание сознания более артикулированным, «выпуклым». Будучи противником позитивистской физиологической психологии своей эпохи, Э. Гуссерль, тем не менее, выделил главные качественные характеристики душевного процесса как активного интенционального переживания: «...изначально нам даны бесформенные ощущения, которые оживляются актом сознания, в результате чего формируется предмет, который мы видим... он (Э. Гуссерль. – В.К.) пытается, обращаясь к глубинным слоям сознания, воспроизвести процесс формирования потока сознания из первичной импрессии» (Шиян, 2017, с. 71), т.е. из переживаемого впечатления.

Поэтому и эйдетическая интуиция «...осуществляется не в рефлексивной позиции... в фантазии, а не в рефлексии, – чтобы после в феноменологической установке определить, какой признак для предмета является сущностным» (Шиян, 2017, с. 72). Д.Э. Гаспарян (2019) отмечает, что в связи с этим последователи Э. Гуссерля, в частности F. Jackson, акцентируют далее внимание на «квалитативности» потока сознания: «“Квалиа” есть термин для обозначения особой, несводимой ни к чему иному сущности непосредственного переживания некоторого состояния. Большинство аргументов в защиту реальности квалиа сводится к тому, что при наличии чувственных ощущений нейрофизическая процедура анализа данных мозга не позволит получить доступ к тому, как переживаются эти ощущения... квалиа есть такой способ переживания, который неотделим от того, кто его переживает, – перспективы от первого лица» (Шиян, 2017, с. 97).

Такое понимание основного качества переживания может таить опасность тупика относительно его доступности, если не артикулировать внимание на том, что не менее важная его качественная характеристика – это интенциональность (чтойность). Переживание как особый способ существования души в потоке сознания находится *буквально между* живой телесностью субъекта и телесностью предмета, на которое оно не просто

направлено, но и в сторону которого оно децентрировано относительно телесной субъектности. Оно существует в новом измерении (в меру возникающего резонанса и синхронистичности) между уже символизированными телесностями – т.е. в пространстве смыслов, имеющих уже коммуникативные степени свободы.

Неслучайно в этом направлении размышляют и последователи Э. Гуссерля. Ключевым моментом в философии диалога Э. Левинаса (1998) стал «спор о сущности сознания, его интенциональности или диалогичности... в дальнейшем мы должны открыть «других», интерсубъективный мир... Феноменологическая интуиция жизни других открывает поле трансцендентальной интерсубъективности... трансцендентальность общения» (Левинас, 1998. с. 129–131).

В этом же направлении разработан метод описательной феноменологии А. Джорджи, апробированный отечественными психологами также на уровне феноменологического интервью (Улановский, 2007; Богомаз, Морожанова, Турковский, 2019). Психологически, личностно затратная процедура получения сведений о феноменологических характеристиках состояния сознания субъекта как о первичной его реальности – причина чрезвычайной редкости таких репрезентативных исследований. Давно идут поиски более простых решений; пример тому – развитие контент-анализа на базе компьютерных технологий. Современный соблазн распространить понимание первичной аутентичной реальности мира и жизни в области интернет-медиа явно опережает его феноменологическую рефлексию (Фролов, 2019).

Однако важно, что этот процесс уже инициирован, и острота проблемы осознается: «...мир сети несамодостаточен, теми или иными концами он замкнут на *реальную* повседневность... повседневность *одна* и реальные элементы в ней сочетаются с виртуальными, образуя “гибридный мир”... виртуальные события не обладают эффектом реальных... погружение в виртуальные среды... может оказаться ложным типом существования, а никак не новым способом бытия-в-мире... это новый способ ухода от реальности... феноменология имеет и практический смысл, предоставляя пользователю цифровых технологий возможность приостановить “естественную вовлеченность в виртуальный мир”» (Фролов, 2019, с. 35–36).

Думается, что актуализация, ренессанс гуманистической психологии, ориентацию на которую А. Джорджи просматривал у Э. Гуссерля, сможет возродить интерес современников к аутентичности встреч с другим, с миром, с собой. Гуманистическое движение уже в прошлом веке восстановило именно коммуникативно-феноменологический подход к уникальности человеческих переживаний через феномен встречи. К. Роджерс посвятил этому свои основные труды и создал релевантную психологическую практику – группу встреч. Во встрече с неизвестным, новым неожиданным иным Р. Мэй (2020) увидел источник творчества личности, а А. Маслоу (2011) открыл пиковые переживания.

В коммуникативных практиках могут артикулироваться основные типы таких переживаний. В *экспериментальном* анализе встречи «Я–Группа»

с акцентом на моменте здесь-и-сейчас выделены основные типы-векторы пиковых переживаний, образующие гармоничный цикл: катарсис, импринтинг, экстаз, инсайт (Кабрин, 2005). Это соответствует тому, что Э. Гуссерль называл «первичной импрессией». Основным признаком таких переживаний – выход за рамки привычного, т.е. в буквальном смысле «*транс*».

К сожалению, до последнего времени трансовыми переживаниями интересовались преимущественно психиатры с чрезмерным акцентом на их патологические исходы. Аналогичный акцент и сейчас в клинической психологии делается на психологическую симптоматику стресса, точнее *дистресса*. Транс и стресс противоположны по качеству и содержанию переживаний, но объединяет их то, что оба эти состояния – результаты встречи с новым. Таким образом, они образуют реципрокную пару: одно индуцирует другое. В этом потенциал психического здоровья, и более того – универсального чувства меры зрелой личности.

Выход за рамки привычного навстречу новому проходит через *риск* и *трансформацию* естественной спасительной энергии стресса в энергию трансa. Этот процесс преобразования обычных переживаний в пиковые мы обозначили как стресс-транс-формацию. Она рождает в пиковых переживаниях потенциал интуитивной креативности. Именно его в интенциональности переживаний почувствовали представители разных эпох и культур – Э. Гуссерль и А. Маслоу.

Структура интуитивно-креативного потенциала пиковых переживаний доступна в качественных исследованиях текстов именно в коммуникативной феноменологии, когда известны автор (коммуникатор) и адресат (реципиент) и особенности их взаимовосприятия и взаимопонимания друг с другом.

Психосемантика сознания: на пути к смысловым универсалиям психологического потенциала человека

Психосемантика сознания также оформлена как оригинальное научное направление современными отечественными психологами (О.А. Артемьева, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелёв, В.И. Похилько, А.П. Супрун). В определенном плане в ней могут быть плодотворно интегрированы рассмотренные направления герменевтики и феноменологии в психологическом контексте: «...методология семантического анализа оказалась ориентирована на изучение подсознательных процессов (развития, эволюции, творчества)... в парадигме семантического анализа они могут быть раскрыты через последовательную иерархию смыслообразующих систем различного уровня, в которой смысл предыдущей системы определяется “эволюционной потребностью” последующей» (Петренко, Супрун, 2017, с. 9–10).

Ранее В.Ф. Петренко (2010) уже прогнозирует перспективность психосемантической парадигмы многомерного сознания. С одной стороны, «...любая конструктивистская идея возникает в сознании погруженного в культуру субъекта и существует как текст в тексте, базируясь на множестве культурных миров, в которые погружен субъект, включая его неповтори-

мый индивидуальный опыт...»; с другой стороны, «...правила приложимости конструктов на глубинных уровнях категоризации иные, чем на понятийном уровне, и подчиняются, скорее, логике транса или поэтического мышления» (Петренко, 2010, с. 123, 124). В результате, «...используя субъективные семантические пространства как операциональные модели индивидуального и общественного сознания, психосемантика совмещает когнитивистские и интуитивистские подходы в психологии» (Петренко, 2010, с. 195).

Объединяя смысловые психосемантические поля на текстуально-контекстуальном нарративном герменевтическом уровне и одновременно на интуитивно-эйдетическом трансовом феноменологическом уровне, *экспериментальная* психосемантика охватывает всю психологическую реальность – онтологию в современном ее понимании. Однако хотя произвольно навязываемый экспериментальный «стимул» и гипнотизирует своим разнообразием (от простейших слов, символов до сложнейших произведений искусства), остается вопрос о природе, источнике и сути этой универсальной семантической реальности. Сознательное или потенциально осознаваемое *переживание* как качественно специфичная (квалиа) «акаузальная» онтология (Лосский, 1995; Гуссерль, 2009) – интенциональная и трансцендентальная одновременно – оборачивается проблемой с точки зрения ее аутентичности.

Принимая и признавая множественность и относительность парадигм и картин мира, в данном случае считаем, что ответ на поставленный вопрос наиболее естественно искать с помощью коммуникативного подхода. Мы указывали, что, несмотря на отчетливое понимание коммуникативной природы сознания в большинстве культурно-исторических теорий в гуманитарных науках, ни в герменевтике, ни в феноменологии, ни в экспериментальной психосемантике разноуровневые коммуникативные контексты не артикулированы достаточно полно для качественного релевантного понимания осознаваемого интуитивно-эйдетического, интенционального и трансцендентального переживания смысла.

Суть коммуникации всегда в том, что она является качественно специфическим, смыслопорождающим и смыслообразующим процессом в отношениях человека с другими, с миром и самим собой. При рассмотрении речи, текста, языка интерпретатора и автора по отдельности, т.е. вне коммуникативного процесса, теряется жизнотворческая аутентичность смысла, равно как утрачивается жизненная аутентичность эритроцита, извлеченного на стекло лаборанта из живой кровеносной системы организма. Все науки неизбежно абстрагируют часть «своей реальности», редуцируя ее, но в данном случае требуется сохранить аутентичность смысловой реальности как душевно-духовной не столько для того, чтобы отличить ее от физической, естественно-телесной, сколько для понимания соотнесенности, сопричастности и общения с ней.

Уже у Анаксагора полноценный универсум не столько «физикален», сколько ноэтичен. Правда, ни он, ни его последователи не ответили на во-

прос: как и каким образом осуществляется это физико-ноэтическое единство универсума. Наше предположение и понимание в том, что ответ может быть эксплицирован из достаточно полной аутентичной коммуникативной реальности. Мы уже отметили необходимость раскрытия контекста коммуникативной ситуации в герменевтическом анализе, специфику интуитивно-креативных пиковых переживаний в структуре встречи с новым в феноменологическом анализе.

В психосемантической проблематике и ее универсальности необходимо реконструировать интенциональность и трансцендентальность психологической коммуникабельности любых ее потенциально осознаваемых переживаний.

Общая коммуникабельность основных психосемантических процессов и состояний сознания: коммуникативная психосемантика

Децентрированность, транспонированность, а по сути – трансовость всех психосемантических потенциально осознаваемых переживаний означает вынесенность их за пределы конкретных телесностей в коммуникативно-смысловое измерение. Именно в нем обнаруживаются новые степени свободы за пределами «физикализма», которые до сих пор и не могут быть обозначены иначе, как интенциональность – выход навстречу новому, и трансцендентальность – выход за координаты физических границ мира. Иными словами, эти психосемантические координаты собственно ноэтического мира человека проявляются как его *душевная коммуникабельность* (интенциональность) и *духовная транскоммуникабельность* (трансцендентность).

На этой основе возможны и базовые определения уровней и типов коммуникативной психосемантики. Видимо, интенциональные качества психосемантических переживаний значительно динамичнее их трансцендентальных качеств. Поскольку в литературе и те и другие с осторожностью представлены слишком аморфно, для конкретно методической реализации представим их простейшие феноменолого-герменевтические экспликации. Холодинамическая обоснованность предлагаемых дифференциаций рассмотрена в работе В.И. Кабрина (2021).

Интенциональность качественных различий семантики переживаний в психологии представлена на уровне учебников и хрестоматийных текстов. Они учат различать минимум четыре качественные *психологические модальности*:

- a) мотивацию (хочу, желаю и т.п. чего-то);
- b) перцепцию (воспринимаю, вижу, слышу, чувствую и т.п. что-то);
- c) имагинацию (воображаю, фантазирую, мечтаю и т.п. о чем-то);
- d) эмоцию (доволен, восхищен, удручен чем-то).

Важно понять универсальность их проявления в динамике любого полного цикла переживания любого, даже очень маленького, человека, за исключением младенца, который, не успев захотеть (a), уже недоволен (d).

Первичная коммуникабельность этих модальных переживаний в их интенциональности, т.е. направленности и децентрированности в сторону предмета, причем в меру их обоюдной предрасположенности. Этот аспект подчеркивается интуитивистами (не только Я, но и предмет потенциально неравнодушен ко мне). Поэтому скрипач не просто учится *играть*, но *слушать* скрипку. Разнообразию психосемантики модальных переживаний практически неисчерпаемо для диагностики индивидуальности любого субъекта.

Трансцендентальные состояния сознания как выход за пределы физически возможного / невозможного также нетрудно представить и упорядочить. Если взять предельно общие координаты или формы существования физического мира в современном мировоззрении, то обнаружим время (t), пространство (S), информацию как негэнтропию (I), энергию (E). Массу пока позволяет оставить в покое научно-эстетический шедевр А. Эйнштейна $E = mc^2$.

Это важно, поскольку переживания как смысловые феномены, принадлежащие ноосфере, прямо не соотносятся с массой – только метафорически. Но по главным координатам современная психология в ее трансперсональных и квантовых измерениях (Петренко, Супрун, 2017; Чёрч, 2019) находит прямые подтверждения психосемантической трансценденции. Это доступно и современному студенту, несмотря на медийно-цифровую борьбу с его воображением. Поощрение к использованию трансцендентальных степеней свободы души в ситуации «прикованности» физического тела студента к аудиторному пространству-времени быстро приносит свои плоды. Он понимает, что его душевное психосемантическое состояние:

Д) потенциально *транстемпорально* (ТТ): путешествие в любые времена по собственному выбору;

С) потенциально *транслокально* (ТЛ): мгновенные перемещения в любую точку воображаемого или мыслимого пространства (в макро-, микро- и мегамасштабах);

В) потенциально *трансинформативно* (ТИ): изменение точки зрения, взгляда, впечатления в отношении к любому событию или явлению;

А) потенциально *трансэргично* (ТЕ): феномен идеомоторного акта – энергия любой идеи переходит в энергию любого движения. Несмотря на множество экспериментов с положительными результатами (Д. Чёрч, 2019), этот трансэргичный психологический потенциал до сих пор дискусионен.

Конечно, мы пока затронули простейший трансцендентальный аспект психосемантической коммуникабельности сознания. Однако здесь открывается перспектива выявления и исследования смысловых психосемантических единиц разного уровня и масштаба их сложности и смыслоемкости. Следуя холистическому принципу, начато рассмотрение этих холархических уровней психосемантики с верхнего как наиболее смыслоемкого и стратегического по отношению к остальным. Но почему именно с транстемпоральности? Физики до сих пор слишком осторожно относятся к физике времени (Мюллер, 2017), поэтому здесь мы лишь отсылаем к философии экзистенциального времени М. Хайдеггера (2015).

В уровневой холархии психосемантических состояний наиболее стратегически оказывается *ценностно-смысловое образование*. Высшие ценности, как будто стремясь к вечности, оказываются транстемпоральными, преодолевая предельные эмерджентии культурно-исторических эпох. В масштабе личности ценностная регуляция оказывается транстемпоральной по отношению к множеству целевых регуляций, завершающихся решением проблем, достижением целей.

При этом сами цели относятся к транслокальному уровню, основными психосемантическими образованиями которого являются *концепты*, оседлавшие противоречия / проблемы и определяющие психодинамику их решения. Поэтому концепты в тексте существуют как способы интеграции конфликтующих тенденций в духе диалектического единства и борьбы противоположностей. Таким образом, если стратегические ценностно-смысловые образования требуют философско-герменевтического анализа, то концепты выявляются на уровне структурной герменевтики или психосемантики. С точки зрения холистического анализа – это поиск «странного аттрактора» (Мандельброт) как латентного психосемантического аттрактивного вектора, вокруг которого группируются конфликтующие между собой более простые явления. Так, в термодинамике температура объединяет враждующие позиции жары и холода. А что тогда объединяет противостоящие миры света и тьмы? Мы уже показали, как в пиковых переживаниях объединяются противоположные переживания стресса и транса (стресс-транс-формации). Таким образом, концепты живут в креативном процессе, в отличие от понятий, достигших определения.

Трансформационному уровню соответствует разнообразие психосемантических вариаций. Эти бесконечные вариации на одну и ту же тему не только в искусствах, но и в науках обнаружались во *фрактальном* уровне холархии, во фрактальных математических моделях бесконечного самоподобия (Мандельброт, 2009). На текстуальном психосемантическом уровне речь идет о всевозможных конstellляциях / композициях *конструктов* – семантических единиц, позволяющих выявлять одновременно сходство и различия разнообразных предметных форм. Дж. Келли (2000) справедливо считал, что каждый человек как исследователь конструирует, изобретает свой субъективный репертуар таких конструктов, по характеру которого можно судить о личности как индивидуальности. Важно понимать, что похожие репертуары-тезаурусы конструктов разных персон могут быть включены или нет в очень различные концепты более высокого уровня.

Переходя к трансэргичности – первому нижнему уровню рассматриваемой холархии – хочется его оставить квантовым физикам. Имеется в виду свободное галопирование кванта в трудно представимом диапазоне – волна (бесконечность) – частица (импульс, момент), учитывая при этом зависимость от присутствия наблюдателя. Но здесь необходим психосемантический эквивалент – возможно, это архетипический внепредметный *символ* (Юнг, 2021), обладающий также труднообъяснимой выразительностью (трансэргичностью), т.е. намекающий на нечто значительно более значи-

мое, чем он сам по себе. В нем скрывается первородная магия именованья (присвоения имени), преображающая само явление. Пока видим в тексте лишь косвенные признаки такой символизации: междометия, удвоения, кавычки, восклицательные знаки, метафоры и иконические знаки.

Структурно-динамическая модель когнитивно-ноэтического развития психосемантики образовательных стратегий

Представленный обзор качественных методов анализа в психологии позволяет сделать обобщение о том, что психосемантическая парадигма может рассматриваться как более широкая, охватывающая методы герменевтического, феноменологического и контент-анализа. При этом имеется в виду *коммуникативная психосемантика*, которая, в отличие от субъективной и экспериментальной, ориентирована на восстановление и экспликацию естественного коммуникативного контекста возникновения высказывания как аутентичного коммуникативного события. Именно в нем и происходит потенциально осознаваемое смыслообразование. В свое время нами были разработаны специальные техники сбора коммуникативно-релевантной психосемантики коммуникативного события: Метод моделирования коммуникативного мира (ММКМ) и Тест-ситуация транскомуникативного состояния (ТТС) при встрече с неизвестным в группе (Кабрин, 2005). Они хорошо сочетаются с коммуникативной психосемантикой, получаемой в классических группах встреч по К. Роджерсу и групповом анализе проблем в балинтовских группах (Балинт, 2019).

При этом классический контент-анализ, применяемый отдельно, выглядит поверхностно, как анализ лишь явных категорий; однако он же, но ассимилированный в контекст и структурно-динамическую модель коммуникативной психосемантики, может быть полезен в качестве пилотного экспресс-метода анализа. Опыт такого его применения в комплексном исследовании уже дал правдоподобные и важные для совершенствования образовательного процесса результаты (Баланев и др., 2022).

Здесь будут представлены схема и техника анализа коммуникативной психосемантики свободных креативных текстов, инициированных в любом образовательном процессе с целью изучения, развития когнитивно-ноэтического потенциала студента.

Структурно-динамическая модель когнитивно-ноэтического развития личности построена на основе холистической парадигмы и оформлена в виде холархической матрицы, где структурные (строки матрицы) и динамические (столбцы матрицы) качества когниций презентированы в виде основных психосемантических единиц (Кабрин, 2021). Показано, что именно они образуют холархическую организацию когнитивно-ноэтического потенциала личности.

В модели сделан акцент на специфике динамических и структурных аспектов *психологических модальностей* когнитивной психосемантической организации, презентуемой в сознании человека. Поскольку все указанные

моменты потенциально образуют комплексные основания формирования любых стратегий действия, предложенная модель психосемантического когнитивно-ноэтического потенциала развития человека может быть трансформирована в аналогичную *модель типологии когнитивно-ноэтических стратегий*. Такая модель будет относительно универсальна для разных информационных образовательных сред.

Этимология слова «стратегия» прямо связана с военной тематикой и семантикой, поэтому его не особенно жалуют философские и научные словари. Однако в старом «Словаре иностранных слов» (Спиркин, 1980) мы обнаружили определение стратегии с ключевыми словами, важными для нашей проблематики: стратегия – это *искусство* руководства борьбой, существенное для достижения общих генеральных целей.

В менеджменте, существующем в конкурентных условиях, понятие стратегии является актуальным и довольно разнопланово представлено в исследованиях различных аспектов разных организаций.

Так, O. Dirlik, D. Aydin-Unal (2014) выделили большой перечень (21 позиция) различных определений термина «стратегия» разными авторами – и каждое из них имеет свой смысл для определенных обстоятельств конкретной организации (т.е. лишь в своем контексте). Даже их обобщенная классификация в три группы: стратегия-способ; стратегия-цель; стратегия-структура, – выявляет во всех трех существенные недостатки и ограничения.

Однако для задач нашего проекта эти контексты недостаточны, поскольку когнитивные стратегии определяют значительно более широкий горизонт событий. При анализе понятия и концепта «стратегия» в когнитивной психологии обнаруживаем другую странную ситуацию. Большинство классиков, исследующих когнитивную организацию опыта субъекта, избегают термина «стратегия» даже там, где его вполне можно ожидать; например, в книгах О.К. Тихомирова «Психология мышления» (1984); Р.Л. Солсо «Когнитивная психология» (2011), в многостороннем исследовании М.А. Холодной «Психология интеллекта: парадоксы исследования» (2019).

Структурно-динамическая модель когнитивно-ноэтического развития может быть основанием типологической схемы соответствующей стратегии. Особенно близким здесь видится концептуальный анализ Л.М. Веккера (1976). В главе «Мышление как интегратор интеллекта» он пишет: «...понятийная мысль... высший пункт формирования когнитивных структур... Концепт как отдельная структурная единица, доведя до максимума негэнтропийный принцип поддержания разноуровневости и разновероятности своих компонентов, на которой строится система понятий, а последняя, вовлекая в свой состав все концептуальные единицы и подвергая их дальнейшему процессу разведения уровней обобщенности, работает по принципу самоорганизации... эта форма высшей концептуальной регуляции, которая на уровне понятий интеллекта имеет своим объектом самопонятийное мышление, в порядке обратного влияния “сверху вниз” распространяется на все более элементарные когнитивные структуры» (Веккер, 1976, с. 321–322).

Мы выделили универсальное смысловое ядро, которое прямо акцентирует верхние уровни психосемантических когнитивных образований – ценностно-смысловой и концептуально-целевой. Они предполагают обеспеченность двумя нижними уровнями – конструктивными решениями и символической выразительностью.

Поэтому акцент в исследованиях образовательных стратегий действий студентов должен быть сделан на полноценных четырехуровневых когнитивных стратегиях. При этом важно учитывать полное преобладание психосемантического фактора над его физическим локомоторным, сенсомоторным компонентом в стратегическом действии. В отличие от *алгоритма*, однозначно реализующегося в «железе», стратегия может иметь огромное количество степеней свободы как возможностей ее «локомоторной» реализации.

В середине прошлого века С.Л. Рубинштейн отмечал, что *поступок* как высшая форма самореализации человека имеет явно доминирующее смысловое содержание, в отличие от физической реализации поведения. В качестве примера он приводил «воздержание от действия». Это удивительным образом соответствует основному принципу восточной, в частности буддийской, философии и психологии – «принципу недеяния». Такая ситуация требует поиска непростых решений для выявления коррелятов и индикаторов для соответствующих образовательных психосемантических стратегий.

Структурно-динамическая модель позиционных стратегий предполагает их идентификацию в двухмерном пространстве – по четырем структурным и четырем динамическим стратегическим векторам. Каждый позиционный тип стратегий образуется одним из шестнадцати возможных пересечений этих векторов.

Ключевой вопрос, на который необходимо ответить, переводя психосемантическую модель в типологическую: на *какой* чувствуемый и осознаваемый психологический ресурс пользователь информационной образовательной среды *как личность* делает ставку (уверен, надеется, предпочитает, привык)? Здесь мы предлагаем критериальные описания четырех динамических и четырех структурных составляющих позиционных структурно-уровневых стратегий, образующихся существенными характеристиками психосемантики модели когнитивно-ноэтического развития личности.

Все 16 позиционных стратегий определяются совмещением их динамических и структурных составляющих (таблица).

Психосемантическая типология позиционных стратегий в структурно-динамической модели когнитивно-ноэтического развития

D	Ценности	Da	Db	Dc	Dd
C	Концепты	Ca	Cb	Cc	Cd
B	Конструкты	Va	Vb	Vc	Vd
A	Символы	Aa	Ab	Ac	Ad
Структурные уровни	Динамические векторы	Мотивация	Перцепция	Имагинация	Эмоция
		a	b	c	d

Критериальные признаки динамических составляющих позиционных стратегий:

а) мотивационное самоопределение – проявление и формирование интересов, а также информационный поиск их дифференциации по направлениям и тематике (чем я хочу заниматься, кем я собираюсь стать);

б) изучение и анализ интересующих предметов, инструментов, ситуаций и связанных с ними историй;

в) прогноз, проектирование, планирование работ по использованию и созданию интересующих ситуаций, инструментов, предметов; характер сопутствующих и последующих фантазий продуктивного воображения;

г) оценивание эффективности (оптимальности) достигаемых результатов, способ переживания успехов и неудач, учет оценок и обратной связи значимых людей.

Критериальные признаки структурных составляющих позиционных стратегий:

А. Символический уровень – все высказывания и действия, символизирующие (демонстрирующие) причастность и приверженность к чему-то большему, что стоит за символом как более значительное, но диффузное и неопределяемое. Варианты: иносказания и притчи, намеки и аллюзии, ритуалы и мемы, фантомы и суеверия и т.п.

В. Конструктивный уровень – опредмеченные, ориентированные на определенную предметно-событийную реальность представления и конструкты, выделяющие в ней существенные конкретизирующие и обобщающие признаки, по которым классифицируются, квалифицируются и различаются предметы, ситуации, события.

С. Концептуальный уровень – концепты, обнаруживающие и осваивающие противоречия, проблемы и определяющие цели, задачи и способы их решения. Концепты ассимилируют в новом качестве противоречащие, конфликтующие противоположности. Важно научиться различать концепты, открывающие перспективы, и концепты, заводящие в тупик.

Д. Ценностно-смысловой уровень – ценностно-смысловые ориентации, основанные на интуитивном (ноэтическом) понимании временной (темпоральной и транстемпоральной) *формы бытия*. Они ассимилируются эмерджентными превращениями и трансформациями. На этом уровне бытие – это «возникновение → трансформация → исчезновение». Понимание тайн возникновения и исчезновения как потенциально трансцендентных, т.е. выходящих за рамки постижения или горизонта осознания.

Ценностно-смысловое отношение к событию, ситуации, жизни, бытию, лежащее в основе мудрости, предполагает понимание и принятие неизбежных изменений, трансформаций, исчезновений и их неожиданности. Примеры мудрого отношения к кризисам, достижениям и утратам как естественным эмердженциям (современный холизм) хорошо представлены в древних и классических произведениях: Книге Экклезиаста, философии стоиков, «Опытах» М. Монтеня и т.п. Таким образом, речь идет о *транстемпоральных ценностях*, явно выходящих за рамки конкретной жизни –

это *добро, истина, красота, тайна*. Зрелые ценностно-смысловые образования так или иначе связаны с принятием и следованием этим ценностям.

Перспективы

Представленная типология стратегий является универсальной по отношению к контенту и его образовательной, профессиональной и предметной специфике. Это позволяет проводить сравнительный анализ проявленных или выявленных стратегий у студентов разных курсов различных образовательных программ.

1. Для оценки творческого и трансфессионального потенциала типологических особенностей образовательных стратегий целесообразно выявлять и сравнивать их реализацию минимум в двух сферах контента – профессиональной (дисциплинарной) и трансфессиональной (трансдисциплинарной). Это связано с дополнительными сложностями, но существенно усиливает убедительность прогноза инновационного творческого потенциала выпускников для работодателей. Прямое выявление стратегического профиля студента предполагает анкетирование или интервью по описанной схеме типологической модели.

2. Поскольку типологическая модель построена на психосемантических критериях и признаках, *косвенная диагностика* образовательных стратегий студента возможна на основе классического метода контент-анализа текстов и диалогов в интернет-сетях, в которые преимущественно включен конкретный студент. Наряду с качественными показателями здесь могут учитываться и сугубо количественные (длительность, регулярность и тому подобные маркеры).

3. В этом контексте было бы очень полезным составление частотных тезаурусов всех регистрируемых тематических и психосемантических когнитивных единиц контента. Это автоматически дало бы индекс соотношения оригинальности (редкая встречаемость) и конформности или конвенциональности (высокая встречаемость) *когнитивных оснований стратегий*. Все это может содействовать прогнозу креативного потенциала студента.

Литература

- Баланев, Д. Ю., Кабрин, В. И., Лукьянов, О. В., Краснорядцева, О. М., Щеглова, Э. А., Бредун, Е. В. (2022). *Когнитивное индивидуальное образовательное пространство: технологии изучения и построения стратегий конструирования*. Отв. ред. О.М. Краснорядцева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та.
- Балинт, М. (2019). *Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии* (2-е изд.). М.: Когито-Центр.
- Богомаз, С. Л., Морожанова, М. М., Турковский, В. И. (2019). Традиция качественных исследований в психологии описательный феноменологический метод А. Джорджи. *Право. Экономика. Психология*, 1(13), 86–92.
- Бэтти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. М.: Канон +, Реабилитация.
- Веккер, Л.М. (1976). *Психические процессы*. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. Т. 2.

- Гадамер, Х.-Г. (1988). *Истина и метод*. М.: Прогресс.
- Гаспарян, Д. Э. (2019). Особенности феноменологического подхода в современной аналитической философии сознания. *История философии*, 24(2), 90–103. doi: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-90-103
- Гуссерль, Э. (2009). *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. М.: Академический проект.
- Даренский, В. Ю. (2018). Онтологические и антропологические аспекты «герменевтического круга». *Гуманитарный вектор*, 13(2), 88–97. doi: 10.17223/17267080/83/4
- Дильтей, В. (2001). *Герменевтика и теория литературы*. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Евграфова, Т. Н. (2014). О герменевтическом круге как методе научного познания в социально-гуманитарных науках. *Вестник Российского университета кооперации*, 1 (15), 60–65.
- Кабрин, В. И. (2005). *Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования*. М.: Смысл.
- Кабрин, В. И. (2021). Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*, 81, 6–27. doi: 10.17223/17267081/81/1
- Келли, Дж. (2000). *Теория личности: психология личностных конструкций*. М.: Речь.
- Левинас, Э. (1998). Философская интуиция. *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. Томск: Водолей, 110–140.
- Лосский, Н. О. (1995). *Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция*. М.: Республика.
- Мандельброт, Б. Б. (2009). *Фракталы и хаос. Множество Мандельброта и другие чудеса*. М.: Регулярная и хаотическая динамика.
- Маслоу, А. (2011). *Новые рубежи человеческой природы*. М.: Альпина Нон-фикшн.
- Мэй, Р. (2020). *Мужество творить*. СПб.: Питер.
- Мюллер, Р. (2017). *Сейчас. Физика времени*. М.: Манн, Иванов и Фарбер.
- Петренко, В. Ф. (2010). *Многомерное сознание: психосемантическая парадигма*. М.: Новый хронограф.
- Петренко, В. Ф., Супрун, А. П. (2017). *Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики*. М.: Нестор-История.
- Роджерс, К. (2017). *Групповая психотерапия*. М.: Ин-т гуманитарных исследований.
- Солсо, Р. Л. (2011). *Когнитивная психология*. СПб.: Питер.
- Спиркин, А. Г. (ред.) (1980). *Словарь иностранных слов*. М.: Русский язык.
- Счастливец, Р. А. (2014). Редукция и эпохе в феноменологии Э. Гуссерля. *Преподаватель XXI век*, 2(1), 249–257.
- Тихомиров, О. К. (1984). *Психология мышления*. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та.
- Улановский, А. М. (2007). Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии. *Методология и история психологии*, 2(1), 130–150.
- Фролов, А. В. (2019). Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем. *Философия и общество*, 1(90), 18–38. doi: 10.30884/jfo/2019.01.02
- Хайдеггер, М. (2015). *Бытие и время*. М.: Академический проект.
- Холодная, М. А. (2019). *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. М.: Юрайт.
- Хомский, Н. (2019). *О природе и языке*. М.: Едиториал УРСС.
- Чепкасова, Е. В., Бунаков, М. Ю. (2012). Сравнительный анализ герменевтического и феноменологического подходов к тексту. *Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России»*, 2, 133–136.
- Черняк, Н. А. (2012). Проблема понимания: Феноменолого-герменевтический синтез. *Омский научный вестник*, 1(105), 104–107.
- Чёрч Д. (2019). *Разум покоряет материю. Поразительная наука создания материальной реальности силой разума*. М.: Эксмо.

Шиян, А. А. (2017). Онтологические и методологические принципы феноменологического подхода Эдмунда Гуссерля. *Философия. Журнал высшей школы экономики*, 1(3), 63–79. doi: 10.17323/2587-8719-2017-1-3-63-79

Юнг, К. Г. (2021). *Символы трансформации*. М.: Академический Проект.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 02.04.2022 г.; принята 11.07.2022 г.

Кабрин Валерий Иванович – профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.
E-mail: kabrin@list.ru

For citation: Kabrin, V. I. (2022). Communicative Psychosemantics of Cognitive-Noetic Development of the Personality. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 85, 51–71. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/85/3

Communicative Psychosemantics of Cognitive-Noetic Development of the Personality¹

V.I. Kabrin¹

¹ Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

A comprehensive analysis and description was conducted of communicative psychosemantics as a universal basis for constructing a structural-dynamic model of the cognitive-noetic potential for the development of a professional personality in the modern educational process. The study used the main humanities communicative sense-forming processes of qualitative methods: hermeneutics, phenomenology, content analysis and experimental psychosemantics. It was found that the relevance of these methods depends on if they take into account authentic communicative factors. For hermeneutic understanding, these are universal factors of contradictions in the communicative situation due to the doubling of mismatched expectations and ideas among partners: on the one hand, about the subject and their linguistic representations; on the other hand, about each other and how each portrays himself. For phenomenological immersion in directly conscious experiences, this is a communicative moment of meeting with the other, the unknown, which gives rise to an ambivalent stress-transformation. It is they who actualize the intuitive-creative cycle of peak experiences: catharsis – imprinting – ecstasy – insight. Content analysis takes into account specific communicative contexts, but needs psychosemantic contextual markers. We created “Communicative psychosemantics” to integrate all high-quality meaning-oriented research methods based on the sociability of the mental and spiritual life of a person in line with the structural-dynamic model of the cognitive-noetic potential of personality development. The intentional dynamic vector of the model is presented as a cumulative cycle of integration of qualitative psychological modalities: motivation – perception – imagination – emotion. The transcendental structural-level vector of communicative psychosemantics is represented by holarchic levels: value-semantic formations – problematic conceptual target solutions – constructive compositional objectivism – archetypal symbolic expressive incarnations. This structural-dynamic model of communicative psychosemantics is translated into an equivalent model of 16 basic positional strategies of the

---

¹ This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2020-0040.

educational process, focused on the cognitive-noetic development of a person's professional and personal potential.

Keywords: communicative psychosemantics; cognitive noetics; structural dynamics; hermeneutics; phenomenology; content analysis; psychological communication skills; intentionality; transcendence; educational strategies

References

- Balanev, D. Yu., Kabrin, V. I., Lukyanov, O. V., Krasnoryadtseva, O. M., Shcheglova, E. A., & Bredun, E. V. (2022). *Kognitivnoe individual'noe obrazovatel'noe prostranstvo: tekhnologii izucheniya i postroyeniya strategiy konstruirovaniya* [Cognitive Individual Educational Space: Technologies for Studying and Constructing Design Strategies]. Tomsk: Tomsk State University.
- Balint, M. (2019). *Bazisnyy defekt: terapevticheskie aspekty regressii* (2-e izd.) [The Basic Fault: Therapeutic Aspects of Regression (2nd ed.)] (transl. from English). Moscow: Kogito-Tsentr.
- Batty, E. (2011). *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as a general methodology of the sciences about the spirit] (E. Borisova, transl. from German). Moscow: Kanon +, Reabilitatsiya.
- Bogomaz, S. L., Morozhanova, M. M., & Turkovskiy, V. I. (2019). Traditions of quality research in psychology: A. Giorgi descriptive phenomenological method. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*, 1(13), 86–92. (In Russian).
- Chepkasova, E. V., & Bunakov, M. Yu. (2012). Sravnitel'nyy analiz germenevticheskogo i fenomenologicheskogo podkhodov k tekstu [A comparative analysis of hermeneutic and phenomenological approaches to the text]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MChS Rossii*, 2, 133–136.
- Chernyak, N. A. (2012). Problema ponimaniya: Fenomenologo-germenevticheskiy sintez [Problem of understanding: Phenomenological-hermeneutical synthesis]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 1(105), 104–107.
- Chomsky, N. (2019). *O prirode i yazyke* [On Nature and Language] (transl. from English). Moscow: Editorial URSS.
- Church, D. (2019). *Razum pokoryaet materiyu. Porazitel'naya nauka sozdaniya material'noy real'nosti siloy razuma* [Mind to Matter: The Astonishing Science of How Your Brain Creates Material Reality] (transl. from English). Moscow: Eksmo.
- Darenskiy, V. Yu. (2018). Ontological and Anthropological Aspects of the “Hermeneutic Circle.” *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*, 13(2), 88–97. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/83/4
- DeRobertis, E. M. (2015). Philosophical-anthropological considerations for an existential-humanistic ecopsychology. *The Humanistic Psychologist*, 43(4), 323–337. doi: 10.1080/08873267.2014.961637
- Dilthey, W. (2001). *Germenevtika i teoriya literatury* [Hermeneutics and Literary Theory] (transl. from German). Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
- Dirlik, O., & Unal, D. A. (2014). Re Reading the Term Strategy. *International Journal of Business and Social Research*, 4(4), 111–124. doi: 10.18533/ijbsr.v4i4.470
- Evgrafova, T. N. (2014). On the hermeneutic circle as a method of scientific knowledge in social sciences and Humanities. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii – Vestnik of The Russian University of Cooperation*, 1(15), 60–65.
- Frolov, A. V. (2019). Fenomenologiya v tsifrovuyu epokhu: obzor problem [Phenomenology in the digital age: a review of problems]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*, 1(90), 18–38. doi: 10.30884/jfio/2019.01.02
- Heidegger, M. (2015). *Bytie i vremya* [Being and Time] (transl. from German). Moscow: Akademicheskii proekt.

- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod* [Truth and Method] (transl. from German). Moscow: Progress.
- Gasparyan, D. E. (2019). Osobennosti fenomenologicheskogo podkhoda v sovremennoy analiticheskoy filosofii soznaniya [Phenomenological approach in modern analytical philosophy of consciousness]. *Istoriya filosofii – History of Philosophy*, 24(2), 90–103. doi: 10.21146/2074-5869-2019-24-2-90-103
- Husserl, E. (2009). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy] (transl. from German). Moscow: Akademicheskii proekt.
- Jung, K. G. (2021). *Simvolyy transformatsii* [Transformation Symbols] (transl. from German). Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Kabrin, V. I. (2005). *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [The communicative world and the transcommunicative potential of a person's life: theory, methods, research]. Moscow: Smysl.
- Kabrin, V. I. (2021). A Holistic Model for Individual Noetic-Cognitive Development. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 81, 6–27. (In Russian). doi: 10.17223/17267081/81/1
- Kholodnaya, M. A. (2019). *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of Intelligence. Research Paradoxes]. Moscow: Yurayt.
- Kelly, J. (2000). *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [A Personality Theory: The Psychology of Personality Constructs] (transl. from English). Moscow: Rech'.
- Levinas, E. (1998). Filosofskaya intuitsiya [Philosophical intuition]. In E. A. Naiman & V. A. Surovtsev (Eds.), *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality. Philosophical Thought of France of the 20th century] (pp. 110–140). Tomsk: Vodoley.
- Losskiy, N. O. (1995). *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]. Moscow: Respublika.
- Mandelbrot, B. B. (2009). *Fraktaly i khaos. Mnozhestvo Mandel'brot'a i drugie chudesa* [Fractals and Chaos: The Mandelbrot Set and Beyond] (transl. from English). Moscow: Regul'yarnaya i khaoticheskaya dinamika.
- Maslow, A. (2011). *Novye rubezhi chelovecheskoy prirody* [New frontiers of human nature] (transl. from English). Moscow: Al'pina Non-fikshn.
- May, R. (2020). *Muzhestvo tvorit'* [The Courage to Create] (transl. from English). SPb.: Piter.
- Mueller, R. (2017). *Seychas. Fizika vremeni* [Now. The Physics of Time] (transl. from English). Moscow: Mann, Ivanov i Farber.
- Petrenko, V. F. (2010). *Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigm* [Multidimensional Consciousness: Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Novyy khronograf.
- Petrenko, V. F., & Suprun, A. P. (2017). *Metodologicheskie peresecheniya psikhosemantiki soznaniya i kvantovoy fiziki* [Multidimensional Consciousness: Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Nestor-Istoriya.
- Rennie, D. L. (2007). Methodical hermeneutics and humanistic psychology. *The Humanistic Psychologist*, 35(1), 1–14. doi: 10.1080/08873260709336693
- Rogers, K. (2017). *Gruppovaya psikhoterapiya* [Group psychotherapy] (transl. from English). Moscow: In-t gumanitarnykh issledovaniy.
- Schastlivtsev, R. A. (2014). Reduktsiya i epokhe v fenomenologii E. Gusserlya [Reduction and epoch in E. Husserl's phenomenology]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2(1), 249–257.
- Shiyani, A. A. (2017). Ontological and Methodological Principles of the Phenomenological Approach of Edmund Husserl. *Filosofiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 1(3), 63–79. (In Russian). doi: 10.17323/2587-8719-2017-1-3-63-79

- Solso, R. L. (2011). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology] (transl. from English). St. Petersburg: Piter.
- Spirkin, A. G. (Ed.) (1980). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
- Tikhomirov, O. K. (1984). *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of Thinking]. Moscow: Moscow State University.
- Ulanovskiy, A. M. (2007). Fenomenologicheskiy metod v psikhologii, psikhiiatrii i psikhoterapii [Phenomenological method in psychology, psychiatry, and psychotherapy]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2(1), 130–150.
- Vekker, L. M. (1976). *Psikhicheskie protsessy* [Mental processes]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.

Received 02.04.2022; Accepted 11.04.2022

Valery I. Kabrin – Professor, Department of Personality Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.
E-mail: kabrin@list.ru